

Мертвые милашки не болтают

Автор:

[Дей Кин](#)

Мертвые милашки не болтают

Дей Кин

Дей Кин – известный американский писатель, яркий представитель детективного жанра. Его произведения выходили в таких популярных американских изданиях, как `Черная маска`, «Детективные истории».

Дей Кин

Мертвые милашки не болтают

2 ЯНВАРЯ 1958 ГОДА, 20 ЧАСОВ 23 МИНУТ

Коттон открыл глаза и посмотрел вверх. Была ночь, но светила полная луна.

Где бы он не находился, Бонни была рядом с ним. Его голова покоилась у нее на коленях. Если не считать ее растрепанных волос и того факта, что она была одета в вечернее платье и норковую жакетку, которые недавно сменила на вязаное платье и узорную куртку для игры в поло, она выглядела сейчас точно также, как и на табуретке рядом с ним в «Циро». И что важно, на ней все еще были ожерелье, серьги и бриллиантовый браслет, которые заставили его обратить на нее внимание. Счастье его продолжалось. Но на этот раз он нашел для себя нечто волнующее.

- Мы случайно не на судне? - спросил он ее.

Девушка от алкоголя стала чересчур чувствительной.

- Я знаю, ты мне не веришь, - говорила она плохо повинующимся языком. - Но ты еще увидишь...

- Что?

- Мой супруг имеет яхту.

- Не шути.

- Честно.

Она попыталась приложить три пальца к сердцу, но натолкнулась на определенные трудности, так как на этом месте вязаное платье сильно топорщилось.

«Маленькая ведьма, но очень мила», - подумал Коттон.

Он поднял голову с теплых и мягких бедер. Да, она не шутила. Они не только находились на моторной лодке длиной метров семь, которую вел человек, похожий на иностранца, но, казалось, плыли даже по каналу Санта-Моника, направляясь на огни большой яхты, стоявшей на якоре приблизительно в миле от побережья.

Коттон почувствовал себя не так хорошо, как прежде.

Бонни мгновенно отгадала его мысли.

- Только не говори теперь, что ты боишься.

Коттон пожал плечами и выбросил все сомнения за борт. Ему не раз приходилось мериться силой с другими мужчинами. Если его принудят, справиться он и с Джоном Р. Дирингом.

Бонни пошарила рукой по сидению в поисках бутылки, после чего поднесла ее ко рту.

– За нас!

– За активную половую жизнь! – поддержал ее Коттон.

Яхта была большая и роскошная. Капитан походил на испанца. Море волновалось так, что куртка и платье Бонни мгновенно вымокли, прежде чем удалось поднять ее на яхту. Никто из мужчин, казалось, не был удивлен, увидя ее с Коттоном, и тот предположил, что его спутница и раньше использовала яхту для подобных рандеву. Во всяком случае, если Бонни хотела произвести на него впечатление, то это ей удалось. Он уважительно посмотрел на свое завоевание, следуя за ней по палубе. Создавалось впечатление, что гуляющая молодка сосватала себе такую кучу денег, которая перешагивала всякие границы.

Кабина внутри также была роскошной. С ней могла сравниться только гостиная в самом шикарном отеле.

Бонни закрыла за ним дверь и осведомилась:

– Тебе тут нравится, Гарри?

– Да... Очень нравится.

Он прошелся по кабине, дотрагиваясь то до одного предмета, то до другого. Когда он повернулся, она уже скинула мокрую куртку и собиралась стянуть мокрое платье через голову с медно-красными волосами. В конечном итоге на ней остались лишь драгоценности.

– У-у-у! – словно собачка, отряхнулась она. – Проклятая вода!

Костюм Коттона тоже промок, и он снял куртку, наблюдая за Бонни. А та отправилась в ванную за полотенцем. Хотя он был с ней уже два дня, она по-прежнему его волновала.

– Знаешь, почему ты мне нравишься? – неожиданно поинтересовалась Бонни, выйдя из ванной.

– Почему?

Она на мгновение задумалась.

– Потому что ты и я ни на что не годимся, – ответила она и подняла голову в ожидании поцелуя. А затем попросила его поработать полотенцем. Потом она проделала с ним ту же процедуру. В промежутках между делом они попивали напитки. Вечером поужинали. Потом Коттон заснул и проснулся только утром.

В каюте было прохладно. За ночь ветер покрепчал и яхту качало. Как и в маленькой моторной лодке, Коттон остался лежать на спине, но сейчас прежняя привлекательность этого приключения испарилась. С него достаточно, ему необходимо подумать, как отсюда смыться, пока не появился мистер Дириг и не пристрелил их обоих.

Бонни в каюте не было. Гарри присел на край кровати, повел плечами от утренней свежести и стал ждать. Когда ожидание показалось ему слишком долгим, он открыл дверь и выглянул наружу. Где бы она не находилась, в ванной ее не было. Судя по всему, он или девушка во время пьяной ночи разлили по ковру какую-то липкую жидкость, и теперь его босые ноги неприятно прилипали к полу.

В ожидании он вернулся к кровати. Гарри не знал, что ему предпринять в создавшейся ситуации. Может быть, от него ожидали, что он позвонит стюарду и скажет ему: «Передайте, пожалуйста, мадам, что друг проснулся и жаждет ее общества». Пока он вот так сидел и рассматривал каюту, ему стало стыдно себя самого, что редко случалось в его бурной жизни. Когда он поднялся на борт, каюта выглядела, как на картине в «Морском журнале», а сейчас можно было подумать, что в ней дрались две обезьяны, нанюхавшиеся кокаина. Половина стульев валялась на полу, занавеска на иллюминаторе висела, как говорится, на соплях. На полу валялись пустые бутылки, отвратительно выглядывшие остатки бутербродов и две косточки от свиной отбивной.

Гарри спросил себя, откуда они появились, и потом вспомнил. Это произошло незадолго до ссоры. Бонни заявила, что чертовски проголодалась и настояла на

том, чтобы он вызвал стюарда и отдал распоряжение приготовить две отбивные. Он попытался вспомнить о подробностях ссоры. Ох уж эти женщины! Лишь из-за того, что он упомянул имя Джен, Бонни заявила, что он больше ее не любит. Она даже схватила с тарелки нож и завопила, что зарежет его. Ему пришлось выбить из руки этот нож и, насколько он помнит, накричать на нее и вlepить несколько пощечин, точно Джен что-то еще значила для него.

Во всяком случае, эта ссора объясняла отсутствие Бонни. Подчиняясь пьяной злобе, она могла перебраться в другую каюту или кабину, как тут называли эти помещения. И если он хотел здесь еще чем-нибудь полакомиться, ему придется начать все с начала. Коттон отыскал рубашку, брюки и оделся. Но когда он захотел надеть носки, оказалось, что они попали в то липкое вещество, на которое он уже ступал босыми ногами. Он попытался его оттереть, но добился только того, что и пальцы стали липкими. Это вещество было похоже на запекшуюся кровь и пахло оно противно, чем-то сладким. Гарри попытался вспомнить, не шла ли у кого-нибудь из них кровь, но так и не смог припомнить. В любом случае, он не бил ее так сильно.

А потом он заметил вязаное платье Бонни и ее нижнее белье. В какой-то степени оно тоже изменилось. Коттон поднял его, но сразу же пожалел о содеянном. Оно было все в крови. Казалось, что кто-то подтирал им кровь.

Внезапно запаниковав, Гарри стал искать столовые ножи. Один он нашел, а другой – нет. Он исчез также, как и Бонни. И единственным вещественным доказательством того, что она когда-то была в каюте, была запачканная кровью одежда, валявшаяся на полу, а также ожерелье, серьги и браслет с бриллиантами на туалетном столике.

Полностью одевшись, Гарри попытался открыть дверь. Но на дверь была одета предохранительная цепочка. Так что дверь приоткрылась лишь на восемь дюймов. Коттон заглянул в щелку и увидел босого матроса, который драил палубу и без интереса поглядел в его сторону.

Наконец, Коттон преодолел свой страх.

– Вы бы не могли передать миссис Диринг, что я уже проснулся и хочу с ней поговорить?

Матрос удивленно взглянул на него.

– Но, сеньор, – мягко произнес он, – сеньора еще не выходила на палубу. – Потом лицо его прояснилось, словно ему что-то пришло на ум. – Возможно, вы найдете ее в... – он умолк. Прирожденная вежливость помешала ему выговорить это слово.

Коттон вынужденно проговорил:

– Ах, да, конечно!

Он закрыл дверь и устоялся на предохранительную цепочку.

Трезвое размышление подсказало ему, что Бонни не могла выйти из каюты, так как дверь была закрыта изнутри на цепочку. Неожиданно его сковал необъяснимый страх. Не был же он пьян до такой степени? Но он пил почти два дня и три ночи. И если с Бонни ничего не случилось, то чья же это кровь? Каюта была закрыта. Бонни не могла выйти из нее, но даже, если бы и смогла, она наверняка захватила бы с собой драгоценности, которые стоили целое состояние.

Скованность в желудке перешла в волну сострадания к самому себе. Какая чудовищная нелепость! Злодейка-судьба все-таки схватила его за глотку. Ему оставалось лишь одно: исчезнуть с яхты и удрать далеко-далеко, пока еще не стало известно об исчезновении миссис Диринг. А для этого нужны были большие деньги!

Почти не раздумывая, он схватил драгоценности с туалетного столика и сунул их в карман куртки. Пальцы его так дрожали, что он с трудом снял с двери предохранительную цепочку. Матрос, драивший палубу, уже куда-то исчез, но другой матрос, с которым они вчера прибыли на моторной лодке, стоял, облокотившись на поручни, рядом с бортовой лестницей.

Коттон закрыл дверь и проверил на слух, защелкнулся ли замок. Затем с деланной самоуверенностью прошелся по палубе и заговорил по возможности спокойно:

- Боюсь, что мне надо сойти на берег, - обратился он к матросу.

В ответ Гарри ожидал возражения, но этого не случилось.

- Хорошо, сеньор, - сказал матрос по-мексикански и отошел в сторону, чтобы опустить трап.

Уже находясь на трапе, Коттон остановился и повернулся.

- Да, еще одно! - проговорил он, как-будто только что об этом вспомнил.

- Что, сеньор?

Коттон глубоко вздохнул.

- Прежде чем мы отчалим, будьте добры, передайте стюарду, что миссис Диринг просила не беспокоить ее до полудня.

Матрос бросил на него скучающий взгляд.

- Да она, обычно, и встает в это время. Можете не беспокоиться, сеньор, ей никто не помешает.

2 ИЮЛЯ 1958 ГОДА, 8 ЧАСОВ 14 МИНУТ

Туристы бы посчитали этот магазин за обыкновенную аптеку с довольно большим выбором товаров и с персоналом, состоящим из молодых людей и девушек, которые выглядели так, точно сошли с киноэкрана или с экрана телевизора.

Для посвященных это заведение не являлось аптекой. Это было «заведение Харта». Если человек имел серьезные намерения посвятить себя развлекательному искусству и попутно нуждался в работе, пока студии не увидели в нем таланта, у Дока Харта всегда находилось место еще для одного

продавца или еще для одной официантки. Когда барьеры уже позади, но роль заставляла себя долго ждать и человек был вынужден брать обеды в кредит, то об этом достаточно было рассказать Доку. Он предоставлял даже жилье, не требуя каких-либо гарантий.

И нельзя сказать, что его попытка быть всегда человечным и гуманным сослужила ему небодрую службу. Наоборот. Несколько лет назад он начинал свое дело лишь с одним продавцом, стойкой с четырьмя табуретами и очень маленькой комнаткой для приготовления лекарств, а теперь его заведение превратилось в центр встреч на бульваре.

Сам Харт был спокойным человеком лет тридцати с небольшим, с улыбкой, которая очаровывала женщин. В свое время он надеялся действительно стать врачом, но недостаток денег заставил его удовольствоваться лишь профессией аптекаря. Сейчас он был рад, что все так получилось. До того, как он открыл свой магазин, он никогда бы не подумал, какие ключевые позиции в районе может иметь владелец аптеки.

Стояло теплое утро. Час завтрака прошел хорошо. За столиками в нишах и почти на всех табуретах сидели молодые люди и миленькие девушки с прической «конский хвост» и в пестрых брючках.

Запоздалая повестка представить себя в распоряжение суда присяжных добралась до Харта с утренней почтой. Он прочел ее за второй чашкой кофе. Как и большинство деловых людей, имеющих определенное дело, он подумал о том, не позвонить ли ему своему адвокату и не попросить ли Келли освободить его от этой обязанности. У него совсем не было времени. Но потом он со вздохом отложил повестку и решил исполнить свой гражданский долг. Герта, новая девушка в молочном баре, даже забеспокоилась.

– В чем-нибудь провинились, Док? – спросила она. – Превысили скорость или еще что-нибудь в этом духе?

Харт мило улыбнулся.

– Нет. Просто я должен быть одним из присяжных.

На девушку такой ответ произвел впечатление. Она уже читала утреннюю газету.

- О! Наверное, вы будете присяжным по делу Коттона!

Это заставило Харта вновь улыбнуться.

- Не обязательно...

Герта подогрела ему кофе.

- Как вы думаете, это он убил ее?

Но Харт уже забыл о разговоре, углубившись в чтение газеты.

- Кого? - отсутствующим голосом спросил он.

- Бонни Диринг... Вы думаете, что это сделал Коттон?

- Понятия не имею.

- А вы ее знали?

- Лично - нет. Но она имела обыкновение сюда заходить.

- Когда еще работала в ночном клубе? До того, как вышла замуж за Диринга?

- Да.

- Она была также красива, как и на фотографии?

Харт попытался вспомнить.

- Д-да... Если я не ошибаюсь, она была довольно-таки милостивой девушкой.

Герта оперлась о стойку.

- Вы видели ее на сцене?

- Несколько раз.

- И что, все было так, как и рассказывают? Она действительно скидывала всю одежду?

Харт понизил голос.

- Нет, - прошептал он. - Если я не забыл, то серьги она не снимала.

Герта выпрямилась и направилась к другому концу стойки, чтобы обслужить парня с девушкой, которые как раз вошли в бар. Харт с улыбкой посмотрел ей вслед. Герта обладала впечатляющей попочкой, да и вообще она была весьма миленькой. К тому же, у нее был талант. Правда, нельзя было позавидовать продюсеру, который попытался бы заарканить эту кошечку на обычных условиях.

Харт взглянул на часы и подал знак Мэнни Кою, чтобы тот подошел.

- Что вы хотите, Док? - осведомился Кой.

Харт показал ему повестку.

- Судя по всему, снова подошла моя очередь, а эта проклятая повестка застряла где-то в пути. Сегодня в десять я должен быть там.

- Сочувствую... Попробуйте отказаться.

- Думаю, что не выйдет.

- В таком случае, нужно позвонить в агентство и попросить, чтобы они прислали двух парнишек.

– Я тоже так думаю.

Кой сунул в рот сигарету и протянул пачку хозяину.

– Самое паршивое в том, что неясно, насколько вас там задержат.

Харт с наслаждением закурил свою первую сигарету за этот день.

– Да, это действительно самое паршивое, – подтвердил он. – Если я не вернусь через два дня, можете послать на мои поиски бернардинца с бочкой сухого мартини.

1 СЕНТЯБРЯ 1958 ГОДА, 23 ЧАСА 36 МИНУТ

Всю вторую половину дня и в ранние вечерние часы было тихо и спокойно, и лишь после 23 часов замедленный ритм города убыстрялся.

Даже в верхних этажах здания юстиции не было заметно ни ветерка и дыхание позднего вечера было жарким, неподвижным и влажным в большом облицованном деревом зале для присяжных и на покрасневшихся лицах самих присяжных.

Харт сидел на широком подоконнике одного из высоких окон, смотрел вниз на уличное движение и думал, как удивительно, что целое государство под названием Калифорния и подгосударство Лос-Анжелес с их годовыми доходами в сотни и сотни тысяч долларов не могут выделить несколько несчастных долларов на то, чтобы поставить кондиционеры в залах заседаний и других помещениях суда.

Итак, на карту была поставлена человеческая жизнь. Суд над Коттоном длился почти два месяца и был проведен очень тщательно. Харт выполнил свой гражданский долг. Он выслушал все речи сторон, как обвинителей, так и защиту. Он взвесил все «за» и «против» и пришел к определенному мнению. Он отдал свой голос и страшно хотел уехать домой, чтобы вернуться к своим делам. Но если бы молодая миссис Слэгл и впредь оставалась такой упрямой, никто бы

не мог сказать, когда закончится этот процесс. Одиннадцать мужчин не могли быть такими же твердыми, как одна женщина.

Харт посмотрел на молодую женщину и перестал беспокоить ворот своей рубашки. Обычно гладкие светлые волосы миссис Слэгл были растрепаны. Одна из прядей свисала ей на лоб. Огромное черное кожаное кресло, в котором она сидела, было для нее слишком большим. Если бы она села поглубже, ее ноги не доставали бы до пола. А если она хотела сохранить свои ноги на полу, то должна была сидеть лишь на краешке кресла. У Харта не было ни малейшего сомнения в том, что несмотря на твердые линии ее подбородка, она была отличной супругой и матерью. Когда она вот так сидела в кресле, она казалась покинутой. Жаль, что она была такой глупенькой. И если бы Харт не был так зол, он бы наверняка пожалел ее.

Старый Джилмор перестал перебрасывать карты из руки в руку и крикнул с другого конца стола:

– Как насчет того, чтобы сыграть, Док?

Харт покачал головой.

Высокий дрожащий голос старого человека действовал ему на нервы, но он не мог заставить его замолчать. Тяжелая дубовая дверь была заперта и останется закрытой до полуночи, когда ее откроет один из служащих и спросит, желают ли господа продолжить обсуждение или желают, чтобы их провели в отель, в котором они уже жили 61 день в качестве гостей штата Лос-Анжелес.

Харт вытер платком пот со лба. Какие еще совещания здесь можно проводить? Все знали имя убитой девушки. Бонни Диринг была более известна под сценическим именем – Бонни Темпест. Они знали, что она была рыжеволосой танцовщицей ночного клуба, с хмурым взглядом, напыленными губами и безграничной страстью к алкоголю и другим земным и эротическим радостям, которые доставляли ей мужчины в постели.

Знали они и то, что три года назад в возрасте 25 лет она вышла замуж в Лас-Вегасе за почитаемого и очень богатого Джона Р. Диринга, владельца инвестиционно-совещательного предприятия его же имени. Далее, они знали из показаний непредвзятых свидетелей, что все люди, которые знали ее,

пророчествовали, что этот брак долго не продлится, но, тем не менее, он продолжался два года. Но затем прелесть нового улетучилась, и Бонни потянуло на старое.

Все знали о целом ряде ее интрижек – с шофером, с дворецким и с одним спортсменом-теннисистом в том роскошном Кантри-клубе, членом которого был мистер Дириг. Ее также оштрафовали на 400 долларов за вождение машины в нетрезвом состоянии, а одну ночь она даже провела в отделении из-за того, что была совершенно пьяна.

И вот в одну из ночей судьба свела ее с Коттоном... Харт снова вытер пот со лба. Сейчас, восемь месяцев спустя, после судебного процесса, длящегося семь недель и два дня, и после совещания присяжных в 108 часов, он был твердо убежден, что некая миссис Дириг, известная также под сценическим псевдонимом Бонни Темпест, нашла свою смерть от руки некоего Гарри Коттона после оргии, длившейся почти трое суток, начавшейся в заведении «Циро» и продолжавшейся на яхте. Харт верил, что преступление совершил Коттон. Верил в это и каждый из десяти других присяжных мужского пола.

Зато единственный присяжный-женщина, молодая миссис Слэгл, в течение 108 часов пыталась вбить в головы мужчин, что она никогда не сочтет виновным в преступлении Гарри Коттона, а также никакого другого человека до тех пор, пока суду штата Калифорния не представят труп упомянутой Бонни Темпест.

Харт пытался найти обоснование точки зрения молодой женщины. Он попытался воссоздать в памяти все наиболее важные моменты судебного процесса. Несмотря на отчаянное сопротивление защиты, обвинению удалось доказать тот факт, что предприятие Коттона по борьбе с вредителями обанкротилось уже пять лет тому назад и что с этого времени тот находил большую часть средств благодаря тому, что обхаживал богатых женщин, поскольку его внешний вид и манеры весьма существенно помогали ему в этом. Коттон признал, что они вовсю веселились в течение трех дней и что напоследок они отправились на яхту. Он также признал, что находился с ней в каюте и смутно помнил причину ссоры. Однако, он не мог объяснить, по какой причине на полу каюты была найдена одежда, пропитанная кровью ее группы, в том числе нижнее белье, и часть зубного протеза, о котором не знал даже ее супруг. Кроме того, по утверждению полицейского патологоанатома, крови было вполне достаточно, чтобы говорить о смерти этой женщины. Не мог Коттон объяснить отсутствие ножа с перламутровой ручкой, который, по показаниям стюарда, находился в

каюте, когда он последний раз видел миссис Дириг. Коттон защищался, говоря, что, когда он проснулся, в каюте никого не было и что он увидел пол пропитанный кровью, что иллюминатор был открыт и что он, в конце концов, нигде не нашел миссис Дириг и поэтому был охвачен паникой. Так как у него не было средств, чтобы осуществить свое бегство, он взял драгоценности Бонни и попросил одного из членов команды отвезти его на берег. – Я ее не убивал! – уверял он судей, находясь на месте для свидетелей. – Я только помню, что дал ей пару пощечин, но не убивал. Должно быть, это сделал тот, кто проник в каюту через иллюминатор.

Харт нашел это объяснение в какой-то степени забавным. Он убедился в этом, прочитав копию допроса команды яхты. Все они показали, что в промежуток времени между появлением мистера Коттона и миссис Дириг на борту и поспешным отъездом Коттона обратно на берег на борт яхты не поднимался ни один человек. Кроме того, один из матросов показал, что Коттон открыл дверь каюты с предохранительной цепочкой. Стюард добавил, что когда миссис Дириг приводила с собой мужчину, она всегда закрывала дверь на эту цепочку.

Харт заметил, что один из присяжных, крупный владелец лесопильного завода, человек с красным лицом по имени Меррилл, перестал расхаживать по комнате и тоже смотрел в окно.

– Хотел бы я знать, как закончился баскетбольный матч, – вздохнул он. – Я тоже, – проронил Харт и убрал платок в карман.

Меррилл повернул голову и кинул кислый взгляд на миссис Слэгл.

– Последняя игра сезона, у меня было два билета на первый ряд.

– Не повезло, – сочувственно произнес Харт.

– Вы знаете, – заметил старый Джилмор без всякого вступления, – что это первый день, когда я не смог отправиться на рыбную ловлю в Лонг-Бич. Чтобы не слышать различных реплик, Харт вынул из кармана рецептурный блокнот и на листке бумаги подсчитал, во сколько ему обошлось двухмесячное пребывание в суде. Получилась изрядная сумма. Если упрямая миссис Слэгл и дальше будет упорствовать, то этот процесс обойдется ему намного дороже. В конечном счете выяснится, что присяжные не могут прийти к единому мнению, и все придется

начинать сначала.

Повинуясь внутреннему побуждению, Харт подсел к миссис Слэгл и в течение пятнадцати минут пытался изменить ее мнение. Постепенно ее маленький подбородок порастерял жесткие черты и начал подпрыгивать. Она тихонько плакала и чуть заметно кивала головой на слова Харта. В это время служитель из суда открыл дверь комнаты присяжных и спросил присутствующих, не хотят ли они на сегодня закончить и отправиться в отель.

Харт несколько секунд смотрел на молодую женщину, а потом предложил: – Давайте проголосуем еще раз?

Это оказалось сделать очень просто. Как показал подсчет голосов, на этот раз было единогласие. Гарри Коттон был признан виновным в преднамеренном убийстве и приговорен к смерти в газовой камере.

И настроение присяжных сразу же изменилось. Исчезли гнетущее напряжение и атмосфера. Слово легкий морской бриз повеял в помещении, прорвавшись в окно. Присяжные заулыбались и начали похлопывать друг друга по плечу. Только Харт и миссис Слэгл не участвовали в этом.

Пока они ждали, когда известят об этом судью и пока заключенного не введут в зал суда, Меррилл отвел Харта в сторону.

– Как вам это удалось? – радостно поинтересовался он. – Как вам удалось заставить ее изменить мнение? Что вы ей сказали?

Но Харт вовсе не был рад своему успеху. Психологический трюк, который он применил, оставил в нем самом неприятное чувство. Дело в том, что он атаковал ее в самое уязвимое место.

– Я только напомнил ей, – спокойно сообщил он, – что завтра начинаются занятия в школе и что для матерей это одно из самых больших радостей в жизни – провожать детей в школу в первый день занятий. – Он пожал плечами. – У нее двойняшки, которые завтра пойдут в школу в первый раз. И мне кажется, что мне удалось убедить ее в том, что такая грязная потаскушка и ее убийца не заслуживают того, чтобы ради них отказаться от своих почетных материнских обязанностей.

Меррилл хихикнул.

– У меня самого трое детей и я понимаю, что вы имеете ввиду. Да, удар был нанесен верный. Только не понимаю, почему это вас огорчает? Владелец аптеки – это достойный уважения человек. Вы отсутствовали у себя два месяца, так что по моему разумению, вы всей душой жаждете вернуться домой. – Так оно и есть, – уверил его Харт, – но тем не менее я не могу отделаться от одной мысли.

– От какой?

– Трупа ведь действительно до сих пор не нашли. Какими бы впечатляющими не были поступки, действия и основанные на них предположения и выводы должны основываться на вещественных доказательствах. Вот ведь что получается... А что, если миссис Слэгл окажется права, а мы нет?

2 СЕНТЯБРЯ 1958 ГОДА, 0 ЧАСОВ 18 МИНУТ

В зале суда было прохладнее, много прохладнее, чем в помещении присяжных. Харт устроился на своем стуле поудобнее. Больше всего на свете он желал, чтобы миссис Слэгл перестала плакать. Видя ее, он сам себе казался подлецом. Харт принялся рассматривать немногочисленных людей, находившихся в зале суда. В этот поздний час толпа страждущих отсутствовала. Не было толпы падких на пикантности мужчин и женщин, которых интересовали любовные дразги и которые забывали, что здесь речь идет о человеческой жизни.

Большую часть присутствующих составляли репортеры – как женщины, так и мужчины. Исключение составлял супруг погибшей. Харт с интересом разглядывал физиономию финансиста. Его лицо было худощавым и бледным, почти лицо аскета. Как явствовало из допроса, ему исполнилось 56 лет. Харт спросил себя, каково было прошлое этого человека и что он увидел в этой молодой девушке, которая стала его женой, и почти сразу же ответил на эти вопросы. Главенствующим было ее миленькое личико и чрезвычайно пышная грудь.

Он продолжал смотреть на Дирина. Такому человеку, вероятно, весьма неприятно присутствовать на подобного рода разбирательствах, где перемывались косточки его жены. И тем не менее, Дирина был не менее виновен в смерти своей жены, чем подсудимый Коттон. Безумием было жениться на такой молодке старому ловецеласу. С Дирина Харта перевел взгляд на капитана яхты. Одна из мудростей жизни гласила: ни один человек не живет для себя одного. Все, что он делает, отражается на других. И убийство Бонни сделало капитана Энрико Моралеса безработным. После смерти своей жены Дирина был не в состоянии предпринимать какие-либо поездки, как деловые, так и личные. Харта спросил себя, где сейчас может находиться яхта, и уволил ли Дирина капитана. Моралес был высокорослым брюнетом лет тридцати с небольшим, очень приятным и мужественным. Моралес тоже выступал на суде и показал, что если на дверь была надета предохранительная цепочка, то иного пути в каюту не было, кроме как через злосчастный иллюминатор. После дачи показаний он еще пару дней присутствовал на суде. Когда Харта глядел на него, то видел, что капитан откровенно скучает, и он перевел свое внимание на темноволосую девушку, одиноко сидевшую в конце зала.

Насколько Харта помнил, эта девушка не пропустила ни одного заседания. Одно время он и другие присяжные полагали, что она, возможно, бывшая почитательница или жертва Коттона, и что защита или обвинение рано или поздно вызовут ее на место для дачи каких-либо показаний, но ни одна из этих сторон этого не сделала. В течение всего слушания девушка лишь присутствовала, слушала и смотрела.

Потом Харта стал изучать лицо подсудимого, сидевшего рядом со своим адвокатом. Коттон выглядел совсем неплохо, только рот у него был слишком мягким. Это был капризный ребенок, который все хочет иметь и ничего не желает отдавать. За длительное пребывание в тюрьме его кожа приобрела болезненно-желтую окраску. Его когда-то хороший костюм сидел на нем как на вешалке. Глаза запали и были обрамлены синими кругами. Он походил на человека, который был болен и опасался кого-то. И все это было выражено в большой степени. Харта оставалось только надеяться, что его немногие дни с Бонни стоили того, что он заслужит.

После нервозности и напряжения процесса, а также долгих часов совещания, все последующее воспринималось как избавление. Харта был рад, когда судья огласил приговор, поблагодарив присяжных за работу. В заключение он несколько раз стукнул молоточком по столу, заканчивая судебную процедуру.

Харт чувствовал себя распаренным и усталым. Сейчас он бы с удовольствием выпил рюмку виски. Он без комментариев отказал репортерам в интервью, попытался не столкнуться с Дирином, который приближался к присяжным, желая по всей вероятности поблагодарить их за усердие, и вышел в коридор к лифтам.

Темноволосая девушка, которую он так часто видел в зале суда, вышла из зала судебного разбирательства еще до него и уже стояла в ожидании лифта. Харт украдкой взглянул на нее. Вблизи она выглядела милее, чем издали. Когда они вместе спускались в лифте, ему удалось рассмотреть ее внимательней. Она была ростом приблизительно 155 см и весила около ста фунтов. Ее летний костюм был модным, но стоил, очевидно, недорого. То же относилось и к большой сумочке, ремень которой был накинут на плечо. Сейчас ее лицо находилось под сильным эмоциональным воздействием, хотя она и держала себя в руках.

На улице было еще более душно, чем в помещении присяжных. Харт снял куртку и положил ее на руку. Он не думал, что Мэнни или Герта встретят его. Они же не знали, когда присяжные придут к единому мнению. До этого он успел распорядиться, чтобы его машину перегнали из гаража к зданию суда. Из парадного вышли еще трое присяжных, но Харт оставался стоять на месте. Он смотрел на город и был рад, что снова сам себе господин и может идти, куда пожелает.

А из здания все выходили и выходили присяжные, репортеры и другие члены суда, вынужденные оставаться до конца. Среди них был и Джон Р. Дириг. Почти все прошли мимо, видимо осознавая в каком настроении он сейчас находился, но Дириг подошел к нему и пожал руку.

– Я пропустил вас наверху, доктор, – проговорил Дириг. – Я понимаю, что для вас это было тяжелым делом. Но мы еще можем благодарить небо, что мы люди принципиальные и верим в благопристойность и справедливость.

Харт пожал ему руку, потому что другого сделать не мог. Но он был рад, что Дириг этим только и ограничился, направившись к стоянке машин, где его поджидал шофер в униформе, сидевший в роскошном лимузине. Темноволосая девушка была еще неподалеку. Она стояла на краю тротуара у автобусной остановки. Прошло уже много лет с тех пор, как Харт в последний раз ехал в автобусе, но, тем не менее, он почему-то вспомнил, что в этом направлении

автобусы ходят с большим интервалом.

Следуя какому-то внутреннему побуждению он остановил машину на автобусной остановке и обратился к девушке:

– Только не посчитайте меня навязчивым, но мне кажется, что в это время автобусы ходят крайне редко. Если вы едете в сторону Голливуда, то я охотно подброшу вас до дома.

Она серьезно посмотрела на него и осведомилась:

– А в какое место Голливуда вы сами едете?

– Проеду почти весь Голливуд. Мне до бульвара Сансет, я соержу там аптеку.

Девушка продолжала смотреть на него.

– Я знаю эту аптеку. Однажды я лакомилась в ней мороженым. Тогда я была секретаршей в Асортед Артистс, актерском агентстве, в полутора милях от аптеки.

– Значит, мы почти родственники, – улыбнулся Харт. – Я хорошо знаю Бена. Каждый вечер по вторникам мы играем с ним в покер. Вы живете там поблизости?

– У меня маленькая квартирка в двух кварталах от вас.

– В таком случае, садитесь. Я подкину вас до дома.

Когда Харт нагнулся, чтобы открыть дверцу, позади него раздался автомобильный сигнал. Он увидел, что машина Диринга выехала со стоянки, а его машина мешала ему проехать. Он подал вперед на несколько футов и мимо него проехал лимузин. Диринг благодарно помахал ему рукой.

Девушка уселась рядом с Хартом и пригладила юбку.

– Очень мило с вашей стороны, – поблагодарила она. – Я заметила, что этот человек вам не нравится... тот, что проехал на машине. Мне он тоже почему-то не по душе. Походит на старого кота, который когда-то был у меня.

Харт кивнул и заметил:

– Я понимаю, что вы имеете в виду.

В этот ранний час ехать в сторону бульвара Сансет было легко: улицы были еще пустынные. Как только Харт набрал нужную скорость, он ощутил себя обновленным. Девушка молча сидела рядом. Когда он остановился перед перекрестком, пропуская грузовик с утренними газетами, у него появилась возможность посмотреть на девушку еще раз. В известной мере, она была привлекательна.

– Чудесная ночь, не правда ли? – обратился он к ней, миновав перекресток.

– Славная и теплая... Могу себе представить, как вы рады были вырваться из комнаты присяжных, чтобы поехать домой.

– Вы правы, – признался он. – Временами я чувствовал себя там неуютно.

– Отлично все понимаю, – она провела языком по губам. Видимо, хотела принять какое-то решение. Некоторое время они ехали молча, затем она спросила: – Вас не интересует, кто я такая?

– Очень интересует, – не стал увиливать Харт.

Сняв перчатку, она протянула руку.

– Меня зовут Пэгги.

Харт снял правую руку с руля.

– А меня – Док. Очень рад с вами познакомиться, Пэгги.

Ее рука была нежной и маленькой, но неестественно теплой, почти лихорадочно горячей.

- Вы плохо себя чувствуете? - осведомился Харт.

- Нет, нет... Сейчас уже все хорошо. Все прошло.

Харт поостерегся задавать ей другие вопросы, а она между тем спокойно продолжала:

- Вы, вероятно, ломали голову над тем, почему я каждый день прихожу на судебное заседание, не так ли?

- Мы все ломали над этим голову. Мы почему-то были уверены, что вас вызовет для дачи показания защита или обвинение.

Девушка долго смотрела на него, а когда она заговорила, голос ее звучал спокойно, но решительно:

- Они не отважились...

- Кто не отважился?

- Защита.

Харт ожидал, что она продолжит, но девушка молчала. Они проехали несколько миль, прежде чем она снова открыла рот.

- Он получил то, что заслужил, и я рада этому.

- Значит, насколько я понимаю, Коттон вам не нравится?

- Вы же были на суде. Разве в нем есть что-либо привлекательное, а?

- Нет.

- Он получил то, что заслужил. Теперь его казнят, да?

Ее тон неприятно резал слух. Пэгги произнесла это почти истерическим тоном и он уже начал сожалеть, что захватил ее с собой в машину.

- Боюсь, что да. Конечно, если его адвокат не подаст апелляцию или не представит в достаточном количестве нового материала, который потребует нового разбирательства.

- Какого материала?

- Довольно убедительных доказательств его невиновности.

- Например?

- В деле Коттона таким доказательством были бы, например, труп и орудие убийства. Но даже эти улики помогут только в том случае, если он на самом деле невиновен.

- Тогда все в порядке.

- Что вы сказали?

- Я насчет главных улик...

- Вы что-то знаете?

Она опять замолчала. Мимо проплывали соблазнительные вывески неоновых реклам. Девушка взглянула в зеркало и поправила прическу. Краем глаза Харт с удовольствием наблюдал за ней. Наконец, она тяжело вздохнула и нарушила молчание.

- У вас нет сигареты?

Он остановил машину, наклонился к девушке и протянул пачку. Она кокетливо вытащила сигарету и прикурила от протянутой им зажигалки. В свете неоновых

реклам ее колени выглядели просто соблазнительно. Пэгги невинно улыбнулась и неожиданно спросила:

- А почему бы нам не зайти ко мне и немного выпить?

Все это выглядело абсолютно абсурдным. Харт не находил ответа на ее предложение.

- Вы шутите? - только и смог повторить он.

- Совсем не шучу, поверьте мне, - умоляюще промолвила девушка. - Ведь вы всю дорогу только и делали, что смотрели на вывески баров, ресторанов и спрашивали себя, удобно ли будет сделать остановку и пригласить меня выпить.

- Верно, - рассмеялся Харт.

- Теперь все забегаловки уже закрыты. Так почему же вы не хотите зайти ко мне, чтобы пропустить рюмочку мартини?

- Послушайте, милая...

- Да? - Пэгги посмотрела ему в глаза.

Он решил действовать напрямик.

- Меня это, правда, не касается, но хочу сказать вам, что миленькие девушки не приглашают к себе в два часа ночи незнакомого мужчину, если у них нет на уме чего-то определенного. Так что же кроется за всем этим?

- Ничего... Я просто не хотела оставаться одна.

- Почему?

- Если вы подниметесь ко мне, я вам все скажу.

Харт держал обе руки на руле.

- Наша встреча может иметь довольно много значений.

- Знаю.

Пэгги сказала это каким-то особенным тоном. Харт от этого рассердился и заволновался. Ему все еще было тепло и он ощущал усталость. Странные все-таки эти существа - женщины! Они, вероятно, уверены, что стоит им немного пококетничать с мужчиной, то они обязательно добьются своего. Но самое невероятное заключалось в том, что в девяносто девяти случаях из ста они оказывались правы вопреки всякой логике.

- Прошу вас, - спокойно произнесла она.

Харт больше не раздумывал.

- Хорошо. Но только на рюмочку мартини.

Пэгги откинулась назад, держа руки на коленях.

- Там посмотрим...

Харт нажал было на газ, но сразу затормозил, так как рядом с ним остановилась патрульная машина и из нее вышел полицейский.

- Остановитесь на минутку, - проговорил коп, но в следующий миг он узнал Харта и крикнул через плечо коллеге: - Эй, Джо! Вылезай! Наш Док вернулся с войны!

Оба полицейских были рады вновь увидеть Харта.

- Поздравляю вас, Док! - воскликнул первый полицейский. - Вы правильно осудили Коттона. Мы как раз слышали все по радио.

Присутствие девушки в машине неприятно стесняло Харта. Он посчитал, что ее следует представить.

– Очень приятно видеть таких бравых молодцов! Разрешите представить вам. Мисс Пэгги...

– ...Джонс, – добавила она.

Полицейские назвали свои имена, но осуждение Коттона интересовало их больше, чем девушка в машине Дока. Они возбужденно поведали Харту, что во всем районе заключали пари 8 к 2, что Коттона не осудят, потому что прокуратура не смогла представить суду «корпус деликты», а они оба поставили на пари свою зарплату, что Коттона обязательно осудят.

Оба полицейских были постоянными посетителями его аптеки и они ему нравились, но, тем не менее, он был счастлив, когда у них неожиданно заквакал радиотелефон и они вынуждены были уехать.

Когда они скрылись из виду, Харт включил мотор и медленно направился дальше. Ему было бы намного лучше, если бы он не повстречался с этими симпатичными полицейскими. Несмотря на международное значение этого города, он оставался в отношении сплетен настоящей деревней. Завтра утром все, начиная от швейцара в ликеро-водочном магазине и кончая метром в его аптеке будут знать, что Джо Финн и Нетт Хукер остановили в два часа ночи машину Дока Харта и обнаружили в ней миленькую девушку, которая представилась им под явно вымышленным именем Джонс. И это после выполнения им своего гражданского долга в качестве присяжного в процессе, который тянулся два месяца.

Пэгги положила руку на его колено.

– О чем вы думаете?

Харт не стал скрывать от девушки своих размышлений по поводу недавней встречи с полицейскими.

– О том, что даже сухой бизнесмен, не знающий ничего, кроме бизнеса, может попасть в щекотливое положение.

– Ну, теперь вы уж наверняка на меня разозлились, да?

Харт продолжал гнуть свою линию.

- Этого я не сказал бы. Но теперь я попал в зависимость от обстоятельств.

- Каких?

- Теперь я просто обязан знать, кто вы такая и чего вы от меня хотите?

2 СЕНТЯБРЯ 1958 ГОДА, 3 ЧАСА 00 МИНУТ

Квартирка выглядела точно так, как и ожидал Харт: две комнатки, ванная и маленькая кухонька в одной из старых отремонтированных вилл, что были разбросаны по склонам холмов к северу от Бульвара.

Попивая вторую порцию мартини, Харт должен был отдать должное девушке. Она отлично готовила коктейли, хотя они были немного крепковаты и подавались в рюмках для виски.

Встреча проходила по определенной схеме. Пэгги объявила, что она должна переодеться во что-нибудь более легкое и свежее. Но вместо того, чтобы предстать перед ним в обязательном в таких случаях negligé, она возникла в прекрасном шелковом халате, который не прикрывал ее коленок, а находился на ладонь выше. Затем она уселась сбоку на кушетку и с кокетливой улыбкой и даже немного вызывающе взглянула на него.

Харт обтер влажные ладони о брюки и захотел произнести что-нибудь остроумное. Но ему ничего не приходило в голову. С каким-то торжественным видом «русалка» Пэгги придвинулась немного ближе.

- Сейчас вы раздумываете как раз об этом, не так ли?

- Над чем?

- Что на мне надето под халатом.

– Угадали, – сознался Харт.

Неожиданно хриплым голосом она сообщила:

– Кроме меня самой, ничего под халатом нет.

В следующий момент ее губки прилипли к его губам.

В машине Харт сказал, что заедет к ней разве что на рюмку мартини. Теперь он должен был бы вспомнить об этом, когда перегнулся через нее, чтобы быстренько достать из пачки сигареты.

– Что ж, после того, как ты меня заполучила, ты, наверное, скажешь мне причину? – осведомился он.

Пэгги взяла сигарету и вздохнула.

– Скажем так... Я не хотела оставаться одна.

Харт затянулся сигаретным дымом.

– Но почему именно я?

Пэгги долго смотрела ему в лицо.

– Ты поверил бы мне, если бы я сказала, что ты был единственной причиной, по которой я посещала судебные заседания? Два месяца и два дня я сидела и думала, как хорошо было бы быть с тобой вместе.

– Разумеется, не поверил бы, – ответил Харт. Годы, прожитые на бульваре Сансет, заставили его отказаться от многих иллюзий. – Мне почему-то кажется, что речь тут не в одиночестве, а в упрямстве. – Он приподнял пальцем ее подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза. – Кому ты отомстила, Пэгги?

– Еще в машине ты сказал, что сегодня чудесная ночь.

Харт провел рукой по ее волосам.

- Ночь чудесная, но это не ответ на мой вопрос.

- А ты думаешь, что я должна тебе ответить?

- Мне бы этого хотелось.

Какое-то мгновение она молча лежала, а потом, пошатываясь встала.

- Извини меня, мне бы хотелось выпить водички.

Когда она вернулась, походка ее была еще более неуверенной, а от нее самой пахло джином.

- Ты уверена, что ходила пить воду?

- Нет, я пила джин, - честно ответила она и снова легла, поглядывая на него.

- Как насчет того, чтобы объяснить мне, что все это значит?

- Ты обозлишься на меня.

- Возможно...

- И Гарри тоже.

Харт почувствовал, как на его лбу выступили капельки пота. Но несмотря на это, он все же заставил себя спросить:

- Какой Гарри?

- Гарри Коттон.

- Не может этого быть.

- Тебе обязательно нужно было знать.

- Ты его хорошо знала?

Губы девушки скривились в горькой усмешке.

- Я его законная жена. Мы поженились в Техасе, когда у него еще было предприятие по борьбе с вредителями. - Девушка упрямо смотрела на Харта. - Ну а теперь можешь залепить мне пощечину.

Харт вынужден был взять себя в руки, чтобы подавить горькое чувство, поднимавшееся в нем. Вероятно, Коттон причинил ей огромное горе, раз упрямство и горечь завели ее так далеко. И не удивительно, что защита побоялась вызвать ее в качестве свидетеля.

- Почему ты считаешь, что я должен залепить тебе пощечину?

- Гарри не стеснялся!!! Он не стеснялся путаться с любой женщиной и это началось уже на первой неделе после свадьбы... Теперь я это знаю. В короткие паузы он возвращался ко мне, а поскольку у него была дурная совесть, он ревновал меня к первому встречному мужчине и устраивал сцены с побоями. Иногда он меня так избивал, что я не могла выйти на работу. - Постепенно ее голос стал звонким и пронзительным. - И теперь он получил то, что заслужил! Вы слышите? То, что заслужил!

- Слышу, - спокойно проронил Харт.

Одно, по крайней мере, было ясно: это была ночь, когда он получил благодарность. Горечь и боль заставили Пэгги не только рассчитаться со своим осужденным на смерть мужем, но и отблагодарить Харта за то, что он внес свою лепту - ровно двенадцатую часть - в его осуждение. Да, по всей вероятности, она испытывала от него адские муки, раз готова была на что-то подобное.

- Сколько тебе лет, Пэгги?

- Двадцать один.

Ее миленькое личико было покрыто капельками пота. Харт достал платок и смахнул с нее пот.

– Ты уж не такая старенькая, чтобы плакать, – дружелюбно произнес он. – Хотя выплакаться тоже полезно. Но необходимо поставить точку на этом деле.

Пэгги кивнула головкой.

– Я уже пыталась.

– Он знал, что ты присутствуешь на процессе?

– Наверняка видел. Именно из-за этого я туда и ходила.

Казалось, ей было трудно говорить об этом, и говорила она с хрипотцой. Харт спросил себя, сколько же ей понадобилось влить в себя джина, чтобы решиться на то, что она сделала. Даже в таком состоянии в ней просматривалось что-то благородное.

Харт сел и загасил сигарету.

– После того, как я выполнил роль инструмента в твоей мести, ты могла бы рассказать мне о себе и Коттоне.

– А чего тут рассказывать?

Пэгги подтянула к себе колени.

– Он был для меня всем.

Действие крепкого желтого джина, который она глотнула, начало сказываться, и она хихикнула.

– Ты меня понимаешь: всем, всем на свете! Но я с ним жестоко расплатилась.

Харт пожал плечами.

- Боюсь, что я не совсем тебя понимаю.

Пэгги довольно повторила еще раз:

- Но я с ним рассчиталась, - ей было трудно выразить свои мысли. -
Расплатилась, потому что сидела в зале суда и держала ротик на запоре.

- О чем ты говоришь, Пэгги?

- Я говорю о Гарри.

- А что именно?

- Он этого не делал.

- Чего не делал?

Пэгги посмотрела на него заплаканными глазами, точно удивляясь его непонятливости.

- Он не убивал Бонни Темпест... Он не мог этого сделать... Я знаю это...

Губы Харта сковало параличом, он едва смог вымолвить:

- Откуда ты это знаешь?

- Потому что она не убита... Я сама видела ее четыре месяца назад в Энзенаде.

- Ты совсем пьяна.

Пэгги согласно кивнула головой.

- Это правда. Мне сейчас кажется, что я лечу в космосе. Но когда я видела Бонни, я не была пьяной. Она выкрасила волосы в черный цвет, - Пэгги положила руки на свои маленькие груди. - А здесь она туго затянулась, чтобы

выглядеть более плоской, хотя на самом деле у нее потрясающая грудь. Она живет под именем сеньоры Альверадо Монтез и выдает себя за богатую вдову из Венесуэлы. Что вы на это скажете?

История показалась ему фантастической, настолько фантастической, что это не могло быть правдой. Харт закурил и отвернул голову, чтобы не пускать дым ей в лицо.

– Видимо ты повстречала девушку, похожую на Бонни Темпест.

Пэгги энергично затрясла головкой.

– Нет, это была она, я ее знаю. Наша контора одно время заключила с ней договор. Она часто заходила в бюро и жаловалась, что получает только дешевые ангажементы. Затем она всем настолько надоела, что ее спровадили в агентство.

Харт сделал вид, что поверил ей. Во всяком случае, он надеялся, что это шутка.

– А что тебе понадобилось в Энзенаде?

– Я была там с мистером Саттоном.

Харт облегченно вздохнул. Эти слова были как дуновение свежего ветерка. Уж этому он никак не поверил. Он слишком хорошо знал Бена Саттона.

Веселый шеф конторы любил хорошие вина и предпочитал играть в покер, но он не был бабником, ему это не было нужно. Он был женат на одной из самых красивых женщин Голливуда и супруги очень любили друг друга.

– Я тебе не верю, – проронил он.

Пэгги сидела нагнувшись и не заметила, что волосы падают ей на лоб. И когда она подняла головку, ей пришлось махнуть рукой.

– И тем не менее, все было так, как я говорила. Мистер Саттон вынужден был туда лететь, чтобы обговорить роль с Грейс Томас. У его секретарши был грипп и

он взял меня с собой.

Это походило на правду.

– Понимаю, – мрачно изрек Харт. – А потом ты увидела южноамериканскую даму, которая походила на Бонни Темпест.

Пэгги вновь завалилась на кушетку.

– Она не только была похожа, это была она.

– Ты с ней разговаривала?

– Ну что вы! Чтобы дать ей понять, что я ее узнала, и тем самым освободила Гарри от обвинения? – она подняла руку и погрозила ему указательным пальчиком. – Нет, такого не будет! Он заслужил газовую камеру! А я... маленькая девочка, которая направила его туда. – Пэгги потянулась, словно котенок, желающий поиграть.

Но сейчас Харт был далек от нежностей. Именно сейчас. Ему очень хотелось знать, что в ее словах правда, а что ложь. Как бы там ни было, он должен знать правду.

– Я сейчас вернусь, – проговорил он и вышел из комнаты.

Служебный телефон Бена он знал, но домашний надо было искать в телефонной книге. Некоторое время в трубке слышались гудки, потом послышался сонный голос Бена:

– Хэлло?

– Говорит Док Харт, Бен. Извини, что я беспокою тебя среди ночи, но у меня к тебе чрезвычайно важный вопрос.

2 СЕНТЯБРЯ 1958 ГОДА, 3 ЧАСА 59 МИНУТ

Саттон откашлялся.

– Ничего страшного, Док. Буду очень рад, если смогу что-нибудь сделать. В чем дело?

– У вас есть девушка, – начал Харт, но тут же поправился. – У вас есть служащая по имени Пэгги Джонс?

– Да, вернее была. Месяца два назад она уволилась и с тех пор я ничего о ней не слышал. А что?

Харт пропустил его вопрос мимо ушей.

– И скажите мне следующее, Бен. Вы брали с собой Пэгги в Энзенаду, когда она еще работала у вас?

– Брал.

– Вы помните подробности этой поездки?

– Конечно. Мне нужно было обговорить кое-что с Грейс Томас, а моя секретарша заболела гриппом. А в чем дело? Что случилось, Док?

– Я еще и сам точно не знаю, но не исключено, что я угодил в весьма неприятную историю. Вы долго там были?

– Если не ошибаюсь, два дня. А договор мне заключить так и не удалось, так как Грейс потребовала за роль больше, чем собиралась платить фирма.

Харт захотел покурить, но вспомнил, что забыл пачку на столе в другой комнате.

– Попробуйте вспомнить, Бен, не вспоминала ли Пэгги во время поездки, что видела кого-то знакомого?

Саттон на какое-то время замолчал.

– Нет, не помню, – наконец, произнес он. – Если вы ее знаете, то должны знать и то, что она милая девушка, весьма спокойная и сдержанная. Во всяком случае так было, когда она работала у меня. Гадостей о ней сказать не могу. На посторонние темы она никогда со мной не разговаривала.

– Вы уверены?

– Да, совершенно уверен, – ответил Саттон и почти сразу добавил: – Подождите, Док!

– Слушаю, слушаю.

– Я вспомнил, что на второй день пребывания она появилась передо мной такая радостная, такая счастливая, как кошечка, которая только что полакомилась птичкой. Это было так необычно, что я даже не удержался от реплики.

– И что она ответила?

– Ничего.

– Ничего?

– Совершенно ничего, лишь пожала плечами. Но я припоминаю, что она улыбнулась мне, точно была чем-то очень довольна.

– Большое спасибо за все, Бен.

Харт повесил трубку и вернулся в комнату. Действие джина все еще продолжалось. Забыто было все, в том числе и мщение Гарри. Пэгги лежала с закрытыми глазами. Ее маленькие груди ритмично поднимались и опускались. Он взял сигарету и посмотрел на спящую девушку в свете зажигалки. У него было две возможности. Он мог уйти из этой комнаты и совершенно забыть о ней. Но мог и попытаться вытянуть из нее все, что она знала. И он решился на последнее. Если его подавленное состояние не улучшится, то он должен хотя бы вытянуть из Пэгги информацию. Его положение в обществе давало ему какие-то права, но в то же время налагало на него обязанности. Если Бонни Темпест жива, он должен знать об этом точно. Он все равно не смог бы жить с мыслью,

что к смерти приговорили невинного человека.

Из своего опыта обращения с женщинами он понимал, что завтра Пэгги не скажет ни слова, и ничто не заставит ее говорить. То, что она ему рассказала, было следствием ее возбужденного состояния. В своей ненависти к Коттону она будет все отрицать утром, так как твердо решила с ним рассчитаться и дать ему сдохнуть в тюрьме. Харт вздохнул и, отправившись в ванную, смочил там полотенце. Возвратившись в спальню, он усадил девушку на кушетку и обтер холодным полотенцем сперва затылок, а потом лицо и грудь.

- Проснись, Пэгги! Ну, проснись же!

Пэгги безвольно лежала у него на руках и спокойно посапывала. Харт попытался ее разбудить, но это также не имело успеха. Пощекотав пальчиком ее интимные места, он все равно не добился желаемого, даже это не разбудило ее. Он хотел в аптечке найти нашатырный спирт или что-нибудь вроде этого, но не нашел. Мгновение он стоял в нерешительности, но потом понял, что ему надо сделать. Его аптека находилась совсем неподалеку, а там он найдет все, что нужно. Харт нашел сумочку девушки, но ключей в ней не оказалось. После короткого раздумья он поставил замок на предохранитель, чтобы дверь не захлопнулась, и осторожно прикрыл ее за собой. За несколько минут с Пэгги ничего не может случиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kin_dey/mertvye-milashki-ne-boltayut

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)